

Кросс-культурное исследование страхов у детей из России и Китая

Научный руководитель – Довгая Наталья Александровна

Liu Fan

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет психологии,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st124082@student.spbu.ru

Введение: Страх представляет собой сложный психологический феномен, в котором переплетаются биологические, социальные и культурные факторы [1, 2]. Таким образом, можно сказать, что каждый народ формирует свою уникальную «культуру страха» — систему значений, оценок и механизмов совладания, передаваемых через семейное воспитание и социальные институты [3]. В контексте современного мультикультурного мира межкультурное исследование России и Китая приобретает особую научную значимость, позволяя проследить влияние культурных механизмов на формирование и развитие детских страхов, а также способствуя дальнейшему раскрытию фундаментальных закономерностей влияния культуры на эмоциональное развитие.

Ключевые слова: детские страхи, межкультурные исследования, эмоциональное взаимодействие родителей и детей.

Цель исследования: Изучить структуру и содержание страхов у детей дошкольного и младшего школьного возраста в Китае и России, проанализировать половые различия в переживании страхов в контексте обеих культур, а также, в сочетании с особенностями эмоционального взаимодействия родителей и детей, исследовать опосредующую роль культурных и половых факторов в процессе формирования детских страхов, углубляя понимание культурных механизмов психологии детского страха.

Методы: В исследовании приняли участие 235 респондентов: 157 китайских детей ($M = 5.54$ года) и 78 российских детей ($M = 6.81$ года), а также их родители. В работе были использованы две методики: «Опросник страхов у детей» А.И. Захарова и «Опросник эмоционального взаимодействия родителей и детей» Е.И. Захаровой, направленные на выявление сходств и различий в структуре и содержании страхов у детей двух стран, а также на изучение того, как характеристики детско-родительского эмоционального взаимодействия (такие как способность понимать состояние ребенка, эмпатия, безусловное принятие и эмоциональная поддержка) влияют на траекторию развития детских страхов. Обработка данных проводилась в программе Jamovi с использованием методов РСА, t-критерия, U-критерия Манна-Уитни и критерия χ^2 и т. д.

Основные результаты:

РСА выявил четыре устойчивых фактора страха: «Угрозы и нарушения безопасности» (например, нападение, война), «Страх потери и неизвестного» (например, одиночество, смерть), «Социальные и поведенческие страхи» (например, опоздания, наказания) и «Страхи перед природными и стихийными элементами» (например, огонь, глубина).

Результаты t-критерия показали, что дети из России набрали значительно более высокие баллы по факторам «Угрозы и нарушения безопасности» и «Страх потери и неизвестного» по сравнению с детьми из Китая ($p < 0.001$). Дальнейший множественный регрессионный анализ показал, что страна (культура) является высокозначимым предиктором этих двух факторов. Кроме того, возраст оказывает положительное влияние на фактор «Угрозы и нарушения безопасности» (Estimate = 0.155, $t = 5.71$, $p < 0.001$) и отрицательное влияние на фактор «Страх потери и неизвестного» (Estimate = -0.0773, $t = -3.384$, $p <$

0.001). С точки зрения общего количества страхов, российские дети ($M = 9.28$) сообщили о значительно большем их числе по сравнению с китайскими детьми ($M = 3.00$), при этом российские дети продемонстрировали значительно более высокие баллы по обоим факторам, что свидетельствует о глубоком влиянии культурного фона и возрастных факторов на данные типы страхов.

Что касается половых различий, в российской выборке девочки сообщили о значительно большем общем количестве страхов, чем мальчики ($p = 0.004$), что проявляется в том, что девочки чаще боялись темноты ($\chi^2 = 16.3$, $df = 1$, $p < 0.001$), тогда как мальчики чаще боялись больших улиц и площадей ($\chi^2 = 4.39$, $df = 1$, $p = 0.036$). Напротив, в китайской выборке не было выявлено значимых различий в общем количестве страхов между мальчиками и девочками, однако девочки чаще боялись замкнутого пространства ($\chi^2 = 6.10$, $df = 1$, $p = 0.014$) и войны ($\chi^2 = 3.93$, $df = 1$, $p = 0.048$).

Наиболее существенные различия между двумя странами проявились на уровне эмоционального взаимодействия родителей и детей. В российской выборке родители мальчиков показали значительно более высокие баллы, чем родители девочек, по таким параметрам, как «Способность воспринимать состояние ребенка» ($p = 0.001$), «Умение воздействовать на состояние ребенка» ($p < 0.001$), «Безусловное принятие» ($p = 0.042$) и «Ориентация на состояние ребенка» ($p = 0.043$). В китайской же выборке родители не продемонстрировали значимых различий в зависимости от пола ребенка ни по одному из 11 показателей эмоционального взаимодействия, что в определенной степени выявляет две принципиально различные модели эмоциональной социализации. Российская модель демонстрирует дифференцированный подход к воспитанию в зависимости от пола ребенка, что тесно связано с широко распространенными в этой культуре экзистенциальными страхами (такими как смерть, война), и, вероятно, коренится в историческом опыте и коллективной памяти российского общества. Китайская модель, напротив, демонстрирует унифицированный характер эмоционального воспитания, что связано с традициями коллективистской культуры и историческим влиянием политики «одна семья — один ребенок», которые вместе способствовали конвергенции воспитательных стратегий и в определенной мере нивелировали дифференциацию по полу ребенка.

Выводы: Структура детских страхов и характер эмоционального взаимодействия родителей с детьми глубоко обусловлены культурным контекстом. Сходство в структуре страхов у детей обеих стран указывает на определенную универсальность, тогда как различия в экзистенциальных страхах (таких как война, смерть) и моделях эмоционального воспитания подтверждают культурную специфичность процессов половой социализации. Эти выводы дают важное понимание того, как культура формирует эмоциональный мир детей и модулирует родительские воспитательные стратегии.

Источники и литература

- 1) Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. М.: Медицина, 1982. – 434 с.
- 2) Hebb D.O. On the nature of fear // Psychological review. 1946. Vol. 53, No. 5. P. 259.
- 3) Tudor A. A (macro) sociology of fear? // The Sociological Review. 2003. Vol. 51, No. 2. P. 238-256.